

МАЛЫЙ ДИСКУРС: О ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ ПРОТИВОРЕЧИИ

Понятие диалектического противоречия является системообразующим для философской концепции диалектики. С тех пор, как оно было провозглашено классиком немецкой классической философии Гегелем в качестве основополагающего для теории диалектики, велись и ведутся острые споры о логическом статусе этого понятия, о самой допустимости противоречий в мышлении. Те, кто причисляет себя к последователям диалектики (т.е. считает себя диалектиком), не только отстаивают правомерность диалектических противоречий в мышлении и научном познании, но и настаивают на их генерирующей роли в формировании новых идей и теорий. Их противники (назовем их условно рационалистами), наоборот, неустанно подчеркивают алогичный характер любых противоречий в мышлении и, соответственно, считают, что ничего, кроме путаницы и абсурда в мышлении, диалектическое противоречие принести в науку не может.

Редакция решила откликнуться на этот затянувшийся спор двумя статьями, выражающими противоположные точки зрения.

Е. А. Кротков

РАЦИОНАЛИЗМ, ДИАЛЕКТИКА И ОСНОВНЫЕ ФОРМАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКИЕ ИСТИНЫ

Если вы когда-либо собирались отупить ум молодого человека и сделать его мозги неспособными к какой-либо мысли вообще, то вы не смогли бы сделать это лучше, чем дать ему почитать Гегеля.

А. Шопенгауэр

Целью иррационалистов нашего времени является не спасение, а власть.

Бертран Рассел

Известно, что подготовка специалиста-выпускника высшей школы состоит не только в овладении студентом современными профессиональными знаниями и умениями, но и в формировании “парадигмы” мышления, которая позволит ему в дальнейшем

самостоятельно оценивать жизненную ситуацию, формулировать задачу, осуществлять поиск информации, находить подходящие методы и средства ее решения. Парадигма в этом плане представляет собой совокупность постулатов и принципов мировоззренческого и логико-методологического характера; она определяет общее видение ситуации, обуславливает ее аксиологическое “изменение”, выбор методов и средств решения содержащейся в ней проблемы.

Советская система гуманитарного, социально-политического и экономического образования формировала диалектико-спекулятивную историцистскую парадигму мышления, в которой не находилось места случайности, контролирующей роли опыта и рациональному выбору. И хотя сегодня в наших учебных программах содержатся темы и концепции, изначально чуждые данной парадигме, однако преподавательский корпус остался — осознанно либо подсознательно — верен прежней, марксистской парадигме. Поэтому освещение, интерпретация этих тем и концепций в курсах философии, социологии, политологии, экономической теории почти ничего не дает для студентов в плане формирования у них нового видения мира, человека и общества, адекватных ему логико-методологическим средствам. В частности, мало кто из нас представляет себе ту меру опасности для образования, культуры и общества в целом, которую несет в себе диалектический способ мышления в его марксистской (в сущности — гегельянской) интерпретации — парадигмы спекулятивно-антирациональной по своей эпистемологической сути и агрессивно-деструктивной по социально-политическим импликациям.

Формирование этой парадигмы поразительным образом связано с критикой Гегелем формально-логических истин (законов). Гегель полагал, что область этих истин и соответствующих им логико-методологических директив (принципов) весьма ограничена и составляет предмет рассудочного, эмпирико-феноменологического мышления. Кроме рассудочного, есть мышление сущностное, постигающее внутренний динамизм, законы самодвижения (развития) мира, и это мышление есть спекулятивный разум. Последний имеет логику, но это не логика формы (формальная логика), а логика содержания, диалектическая логика, т.е. диалектика.

Мысль об ограниченности формальной логики инициировал И. Кант, когда утверждал, что “она есть наука, обстоятельно излагающая и строго доказывающая одни только формальные правила всякого мышления”. Далее он поясняет, что значит “формальные”: “Своим успехам логика обязана определенности своих

границ, благодаря которой она вправе и даже должна отвлечься от всех объектов познания и различий между ними”¹. Канту принадлежит и сама идея разработки неформальной логики, названной им трансцендентальной. Фундамент последней должна была составить система чистых рассудочных понятий, а построение таковой вполне обоснованно мотивировалось тем, что “мы не можем мыслить ни одного предмета иначе как с помощью категорий...”². Кант не завершил построение названной системы предикаментов, не осуществил их трансцендентальную “дедукцию”, хотя и считал эту задачу вполне разрешимой. После Канта многие с завидной легкостью строили подобные системы, но все, что при этом выдавалось за неформальную логику, на поверку оказывалось блефом.

Сама по себе эта история достаточно ординарна: мало ли в науке и философии было ошибочных, непродуктивных, тупиковых идей? Однако в этой неудавшейся кантовской затее смущает одно: был ли осторожен Кант, назвав проектируемое им новообразование термином “логика”? Думаю, что нет. Это мнение подтверждается хотя бы тем, что каждая из такого рода “систем” непременно противопоставлялась — как более совершенный инструмент мышления — логике формальной, имеющей будто бы весьма ограниченное значение в сфере науки и тем более философии.

Именно в этом ключе велась разработка новой “логики” Гегелем, который, в отличие от Канта, не имел сколько-нибудь серьезной подготовки в области “старой” (формальной) логики. Вместо правил логической дедукции (формальных правил вывода) Гегель конструирует некий схематизм (назовем его “диалектической дедукцией”), который, по замыслу Гегеля, воспроизводит имманентную структуру бытия и познающего его человеческого мышления. Суть этого схематизма широко известна:

“А дифференцируется на взаимообусловленные противоположности А и не-А, а их конфликт порождает А¹”,

где А — исходное понятие (качество, состояние), не-А — его первое отрицание, а А¹ — второе отрицание как синтез противоположностей. Такова, в самом общем виде, “логика” трехкратного ритма всего сущего, названная Гегелем “диалектической триадой”. Ее содержание “разъясняется” более частными схематизмами типа “противоречие снимает себя само через себя”, “основание есть в самой себе сущая сущность”, “сущность светится в самой себе видимостью” и т.п.³, смысл которых едва ли может быть установлен. Обескураживает крайняя степень лексической (семантической) неопределенности и таких ключевых терминов

диалектической дедукции, как “имманентная пульсация самодвижения”, “доведенные до заострения противоречия”, “чистая сущность”, “погружение в основание”, “снятие”, “отрицание” и т.д. Все это мало вяжется с идеей логики как инструмента точного мышления, и потому нет ничего удивительного в том, что для почитателей диалектической логики никогда не существовало проблемы как обоснования, так и опровержения любого тезиса или положения.

Трудно понять и другое: мышление человека “упаковывается” Гегелем в упомянутые схематизмы при полном игнорировании результатов исследования этого мышления логической наукой от Аристотеля до Канта. Уместно здесь напомнить, что Кант в “Критике чистого разума” положил в основание своего неприятия чистой спекуляции (или разума, когда он вторгается в область, не контролируемую опытом) единственный критерий — впадение его в формально-логическое противоречие. Он отмечал, что, покидая область опыта, наша спекуляция порождает антиномии, суть которых в равнообоснованности тезиса и антитезиса. Это приводит разум к противоречию, вследствие чего, полагал Кант, спекуляция не может претендовать на научный статус, а является “бессмыслицей”, “иллюзиями” и т. п. Итак, по Канту, противоречие в мышлении смерти подобно.

Иное дело, Гегель, заявивший, что Кант совершенно напрасно бил тревогу по поводу антиномий и лежащего в их основе формально-логического противоречия: в самой природе разума заложена необходимость противоречить самому себе, и это вовсе не ошибка разума, а сама его сущность как высшего типа рациональности. “Противоречие есть критерий истины, отсутствие противоречия — критерий заблуждения” — этот вызывающий тезис, защищавшийся Гегелем в его диссертации в 1801 г., является ключевым в истолковании им сути диалектического разума.

Спору нет, научный прогресс в значительной мере связан с обнаружением противоречий — между теорией (гипотезой) и фактами, внутри теории, между теориями, между фактами. Однако наука всегда непоколебима была в одном: указанные противоречия — это грозный симптом неблагополучия в результатах познания, в системе мышления, а их обнаружение должно побуждать ученых к пересмотру, переработке, смене этих теорий и гипотез, уточнению фактов, словом, к тому, чтобы устранить эти противоречия. Признание же за ними статуса нормы для теории и мышления делает невозможной научную критику, рациональный спор вообще, а вместе с ними и научный, интеллектуаль-

ный прогресс, поскольку денонсируется различие между истиной и заблуждением (ложью).

Возвратимся к Гегелю. В его “логике” онтологические категории интерпретируются как логические, а собственно логические понятия и операции (такие, как “умозаключение”, “отрицание”, “отрицание отрицания”) онтологизируются, полностью утрачивая при этом свое аутентичное содержание. Логика превратилась у Гегеля из средства получения выводного знания в имманентный принцип предзаданного саморазвития субстанции (духа). Тем самым дальнейшие логические исследования “выносились” фактически из области анализа мыслительной деятельности человека и переадресовывались метафизике — со всеми негативными последствиями для науки логики: утрате ею специфики предмета и задач, необходимости разработки собственных методов и средств (вспомним знаменитое ленинское “Не надо трех слов!”, ставящее под сомнение само существование логики как самостоятельной научной дисциплины). Словом, Гегель изрядно пошутил, учинив маскарад с переоблачением логики в онтологию, возведя то, что всегда являлось первейшим признаком алогичности (противоречивость), в ранг высшей рациональности и научности.

Маркс и Энгельс в поисках логико-методологической основы своей социальной инженерии революционаризма восприняли “логику” Гегеля как величайшую находку: полное отсутствие в ней объективных и точных критериев получения выводного знания, прикрытое флером псевдорациональной респектабельности, открывало перед ними безграничные возможности для софистического манипулирования в построении аргументационных конструкций леворадикально-историцистского толка. Правда, при этом пришлось подправить идеалиста: логика, т.е. диалектика, ставшая под их пером методологией пролетарской революции, была объявлена ими отражением закономерностей объективного мира, диалектики самой природы. Природа тем самым наделялась всеми диалектическими атрибутами гегелевского духа: устремленностью к “вершинам” (прогрессом), “скачками”, “снятиями”, “синтезами”, “отрицаниями” и т. п. Как тут не вспомнить ироническое Вл. Соловьева: сколько ни три материализм тонким мылом диалектики, ничего, кроме пены, не получится. Только вот пена-то оказалась едкой, если не сказать — ядовитой. “Конфликт (взаимоотталкивание, борьба) противоположностей” как принцип логики, “отрицание” как итог “конфликта” в интерпретации Маркса и Энгельса трансформировались совершенно естественным образом в тезис о неизбежности, целесообразности и

нравственной безупречности революционного насилия. А дальше был диалектик Ленин и его партия в России. Гегель изобрел свою диалектику для обоснования разумности действительного (абсолютной монархии Фридриха Вильгельма III), Маркс и Энгельс ее использовали для обоснования неразумности действительного (капитализма), а Ленин — для обоснования разумности разрушения действительного (гражданской войны в России). Так преднамеренное диалектико-спекулятивное искажение существа логики как науки, ее предмета и задач в начале XIX в. отрезонировало веком позже национальной катастрофой в России.

Теперь бросим взгляд на то, что могла дать логика (диалектика) Гегеля, призванная, по его замыслу, заменить “бесплодную формальную логику” в сфере естественнонаучного мышления. Прекрасно осознавая, что “физика в своем понимании законов мысли придерживается обычной логики”⁴, Гегель сам продемонстрировал “прикладной вариант” его логики в скандально известной “Философии природы”. Приведу лишь один пример: “§ 302. Звук есть смена специфической внеположности материальных частей и ее отрицания, — он есть только абстракция или, так сказать, только идеальная идеальность этой специфичности...”⁵. Как отмечает К. Поппер, возникает вопрос, обманывал ли Гегель сам себя, загипнотизированный своим собственным жаргоном, или он нагло пытался обмануть и запутать других? Несомненно одно: многочисленные гегелевские натурфилософские диалектизмы иначе как “интеллектуальной, а потом, как следствие, и моральной безответственностью” не назовешь⁶.

Исследуемые формальной логикой принципы и законы мышления, составляющие важнейший элемент научной рациональности, атаковались в России не только философствующими марксистами, но и религиозными мыслителями. Так, П. Флоренский призывал рационалиста поверить мистику в том, что формально-логические противоречия “оказываются высшим единством в свете Незаходимого Солнца, и тогда они-то именно и показывают, что Священное Писание и догматы выше плотской разсудительности...”⁷. Тезис Гегеля и его марксистских последователей о существовании некоего высшего типа рациональности, на уровне которой позволено и даже требуется мыслить логическими противоречиями, поразительно сходен с тезисом фидеиста: где нет антиномии, там нет веры; чем ближе к богу, тем отчетливее противоречия.

На исходе XX в. разговоры об “ограниченности”, “узости” формально-логических истин — дело тоже обычное, а в антропологически ориентированных философских кругах и просто при-

быльное. Дивиденды приобретаются до гениальности просто: подлинно философское мышление (читай: диалектическое, экзистенциальное, деконструктивистское и т.п.) начинается с прорыва горизонта формально-логических императивов, находится вне юрисдикции таких его принципов, как определенность и ясность, последовательность (непротиворечивость) и обоснованность. Следовательно, чем меньше философский текст ориентирован на эти принципы, тем более он аутентичен, приближен к истинам человеческого бытия. Долой “законодательный” разум с его логико-центристскими и командно-порядкоохранительными интенциями, да здравствует разум “интерпретирующий”, признающий лишь консенсус в рамках локальной традиции, легко распадающегося трайба единомышленников, и чтобы никаких там “законов”, “принципов” и “критериев”! За этими призывами нетрудно усмотреть желание современных экзистенциальных метафизиков и философов постмодерна размыть критерии осмысленности и аргументативности философского дискурса, что обрекает философию на говорение о ничто, а заодно выводит ее за границы всякой возможной критики. Классик германской философии XX в. М. Хайдеггер, в совершенстве владевший диалектическим методом Гегеля, сознательно предпринял *Drang nach Logik*, усмотрев в ней (и совершенно справедливо!) последнюю преграду на пути философии к названному говорению. И хотя “это говорение противно мышлению в общем и губительно в частности”, признается он, тем не менее “озабоченность истинным уважением основных правил мышления и страх пред нигилизмом, удерживающие от говорения о ничто, зиждятся на недоразумении” (*Хайдеггер М.* Введение в метафизику. М., 1998. С. 108). Более того, когда “ссылаются на закон противоречия и на логику вообще, чтобы доказать, что все мышление и говорение о ничто противоречиво и потому бессмысленно, то на деле это лишь видимость строгого и научного стиля”. Впрочем, “кто воистину хочет говорить о ничто (ни о чем? — *Е. К.*), должен по необходимости стать ненаучным”⁸. Итак, по Хайдеггеру, логика и ее детище — научная рациональность противопоставлены философскому мышлению. Это и есть то, что следует назвать тезисом философского антирационализма. Антирационализм как атрибут, *specifica differentia* философского мышления полагается и другим столпом экзистенциальной философии — К. Ясперсом, считавшим, что “противоречия, круг, тавтология ... выступают как признаки различия между философским и научным мышлением”⁹.

Примечательно, что непосредственным объектом критики

философским антирационализмом формальной логики чаще всего оказываются так называемые основные законы логики — исключенного третьего, противоречия и тождества. Позволю себе напомнить читателю их происхождение и содержание. Эти законы сформулировал Аристотель в контексте его противостояния античному релятивизму и софистике. Как известно, в V в. до н.э. Гераклит — основоположник диалектики — выдвинул онтологический принцип, согласно которому в мире нет ничего постоянного, качественно устойчивого, неизменного. Впоследствии из этого принципа были сделаны два крайних гносеологических вывода. Кратил и его последователи заключали, что в силу онтологическо неопределенности сущего невозможно никакое истинное знание. Отсюда следовало, что как утверждение о чем-либо, так и его отрицание в равной мере являются заблуждениями. В свою очередь, Протагор и Горгий настаивали на противоположном: все, что бы ни высказывалось, является истинным. Это означало, что равно приемлемы и утверждение о чем-либо, и его отрицание.

Не соглашаясь ни с теми, ни с другими, Аристотель исходит, прежде всего, из убеждения, что в относительном, изменчивом всегда есть устойчивое, качественно определенное, что, собственно, и является объектом изменения. Более того, он полагает, что мышление в состоянии “уловить” сущее в его качественной определенности. В этой связи релятивистам Аристотель возражает так: если мы имеем два противоречащих суждения, т.е. таких, в одном из которых что-либо утверждается, а в другом то же самое отрицается, то по крайней мере одно из них истинно. Иначе говоря, противоречивые суждения не могут быть оба ложными, одно из них истинно. Это и есть то, что было впоследствии названо законом исключенного третьего. Софистам же Аристотель отвечает, что из двух суждений А и не-А по крайней мере одно является ложным, т.е. противоречащие суждения не могут быть оба истинными. А это уже формулировка закона противоречия.

Что касается закона (или, точнее, методологического принципа) тождества, то его содержание Аристотель формулирует так: “невозможно ничего мыслить, если не мыслишь каждый раз что-нибудь одно”¹⁰. Иначе говоря: мысль (понятие, суждение) именно как эта, а не другая мысль, должна оставаться неизменной в контексте некоторого рассуждения.

Добавлю, что содержание этих законов для непредвзятого ума столь непреложно, сколь и декартово *cogito ergo sum*: любая попытка критики этих логических истин будет доступна для чело-

веческого понимания, если ее контраргументы будут удовлетворять все тем же формальным условиям, которые детерминируют названные законы. И именно Аристотель сумел в полной мере осознать фундаментальное значение сформулированных им логических истин для человеческого мышления. Однако не следует упускать из вида и другое: анализируемые законы, задавая некие рамочные (формальные) условия всякого мышления, могут выполнять свою нормативно-регуляторную функцию лишь при наличии некоторых предпосылок гносеологического порядка: предметы наших суждений (то, о чем в них что-либо утверждается или отрицается), а также соотносимые с предметами свойства и отношения должны быть представлены (выделены, обобщены) в этих суждениях понятийными средствами (в форме индивидуальных концептов, обобщающих понятий и т.д.); суждения должны быть по своей форме и содержанию настолько определенными (точными), чтобы ясны были условия их истинности; суждение должно “говорить” не о самом себе, а о чем-то другом (возможно, о другом суждении) и т.п. Когда такого рода предпосылки в отношении мыслительных образований не удастся реализовать, то применение к ним основных логических истин не дает ничего, кроме логических несуразностей (парадоксов, антиномий, апорий и т.п.). Достаточно привести пример парадоксов “лысый” и “куча”, сформулированных Евбулидом. Вопреки несомненным фактам, что есть лысые люди и что из зерен образуются кучи, он “доказывал”, что ни первых, ни вторых не существует. Причина парадоксов — в необоснованном применении логических стандартов к нерационализированным смыслообразованиям: в содержании терминов “лысый” и “куча” отсутствуют общезначимые (объективные) критериальные признаки того, что отличает лысого от нелысого, кучу — от некучи, а потому и предложения, в состав которых входят эти термины, не выражают, строго говоря, суждений.

Рассмотрим еще один пример видимого “нарушения” закона противоречия. Логически противоречивыми кажутся высказывания о том, что протоны внутри атома притягиваются друг к другу и одновременно отталкиваются друг от друга. Однако следует учитывать, что протоны притягиваются друг к другу как гравитационные массы, а отталкиваются (не притягиваются) на другом основании — как одинаково (положительно) заряженные частицы. Это означает, что предметные значения одного и того же имени “протон” в приведенных высказываниях различны и, следовательно, высказывание “Протоны не притягиваются друг к другу” не является результатом логического отрицания выска-

звания “Протоны притягиваются друг к другу”. Именно непонимание специфики предметного значения имен в случаях их интенционального употребления приводит к схеме “А и не-А”, создавая видимость ее обоснованности¹¹.

“Грызущей критики” всегда хватало и на долю закона исключенного третьего. Гегель, приводя в качестве примера, якобы опровергающего действие этого закона, конъюнктивное суждение “Дух является зеленым и дух не является зеленым”, полагал, что ни одно из входящих в него простых противоречащих суждений (“Дух является зеленым”, “Дух не является зеленым”) не может быть оценено как истинное. Это некомпетентное замечание Гегеля в адрес названного закона (как, впрочем, и все прочие его инвективы по отношению к формальной логике) получило, к сожалению, широкое хождение. Между тем первое из приведенных суждений — “Дух является зеленым” — выражает внутренне противоречивое мышление: ведь дух — это, как *minimum*, то, что не имеет эмпирического измерения, в то время как предикат “зеленый” принадлежит языку наблюдения. Отсюда несложно усмотреть, что смысловое содержание высказывания “Дух является зеленым” *implicite* включает в себя самопротиворечивое утверждение “Нечто, не являющееся эмпирическим, является им”, и потому оказывается аналитически ложным суждением; отрицание же этого суждения приводит — в полном соответствии с законом исключенного третьего — к аналитически истинному суждению “Дух не является зеленым”.

Закону исключенного третьего досталось, что называется, и от “своих”: речь идет о его критике со стороны голландского математика Л. Брауэра. Возражая против данного закона, Брауэр настаивал на том, что между утверждением и отрицанием имеется еще третья возможность, и эта возможность обнаруживает себя в рассуждениях, чью предметную область составляют бесконечные множества объектов. Однако эта критика покоится на необоснованном смешении двух существенно различающихся характеристик суждения: значения его истинности и оценки обоснованности этого суждения. Интуиционистское ограничение, накладываемое на данный закон, означает лишь вполне допустимое сомнение в эффективности наличных средств удостоверения значений истинности некоторого типа суждений, но не связано напрямую с их гносеологическим свойством соответствовать либо не соответствовать действительности (фактическому положению дел).

Как уже отмечалось, критика формальной логики философ-

ским антирационализмом нацелена прежде всего на основные законы логики. И это обстоятельство не было случайным. Названные законы действительно составляют фундамент того здания, которым является логика человеческого мышления. Первоначально их содержание было сформулировано Аристотелем в виде принципов мышления, обобщивших многовековую дискурсивную практику. И уже как бы под них “выстраивались” логические системы, в которых эти принципы оформлялись как законы (наряду с другими законами) в рамках некоторого логического языка: любая логическая теория критериально определена ими в том смысле, что она должна быть, к примеру, непротиворечивой, что в ней невыводимо их отрицание и т.д. Поэтому утверждение, согласно которому деление законов логики на основные и неосновные, лишено ясных оснований¹², фиксирует лишь чисто внутрисистемный аспект логической теории и оказывается уязвимым, когда ставится вопрос о ее генезисе и функциональном назначении.

Подведем итоги. Философский антирационализм пытается взвалить чуть ли не все беды человечества в XX в. на научную рациональность, логику, *ratio*. Между тем причина этих бед в другом: в научной несостоятельности и логико-методологической недостаточности мышления людей, принимающих ответственные решения в сфере экономики и политики, в их неспособности “просчитать”, смоделировать последствия этих решений, в нерелексированной бесконтрольности витальных импульсов, которые составляют их мотивационную основу. Но власть предрержащие не сваливаются к нам с Луны. Они — продукт нашей культуры, а “Супер-Эго” любой культуры — это ее разум. И чем более враждебна та или иная культура духу *ratio*, тем более трагична историческая судьба народов этой культуры. Ибо история — это всегда чей-либо выбор, а выбор, как мы хорошо знаем после З. Фрейда, может быть или рационально-дискурсивным, или до-рефлексивно-импульсивным.

Один из истоков исторической трагедии России — в превалировании нерационального, импульсивно-бессознательного над рациональным, осмысленно-аналитическим в ее культуре. Поэтому так важно не допустить размывания границ рационального, логического, переинтерпретации их природы на диалектико-спекулятивный лад, а то и просто отбрасывания как анахронического, деспотического и антигуманного начала.

Волны антирационализма в нынешней России идут не только от архетипов нашего доперестроечного мышления, но и “открываемых” нами работ классиков русской религиозной философии,

новомодных западноевропейских авторов постмодернистского мышления. И вот уже в программах философской подготовки научно-педагогических кадров сокращается теоретико-познавательная и логико-методологическая тематика с параллельным наращиванием спекулятивно-антропологической и религиозно-мистической, а наши доморощенные фейерабенды требуют немедленного освобождения философии от тирании науки и ее рациональности. И только наследники диалектико-спекулятивного разума довольно потирают руки: революция продолжается.

¹ К а н т И. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 3. С. 83.

² Там же. С. 214.

³ Г е г е л ь Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1974. Т. 1. С. 269.

⁴ Там же. С. 278.

⁵ Цит. по кн.: П о п п е р К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 37.

⁶ Там же.

⁷ Ф л о р е н с к и й П. А. Столл или утверждение истины // Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 505.

⁸ Там же. С. 108—109.

⁹ J a s p e r s К. Die großen Philosophen. München, 1957. Bd 1. S. 450.

¹⁰ А р и с т о т е л ь. Метафизика. Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 64.

¹¹ См.: В о й ш в и л л о Е. К., Д е г т я р е в М. Г. Логика как часть теории познания и научной методологии: Учеб. пособие: В 2 кн. М., 1994. Кн. 1. С. 72.

¹² См.: И в и н А. А. Логика: Учеб. пособие. М., 1997. С. 36.

В. И. Моисеев

КАК ВОЗМОЖНА ТЕОРИЯ АНТИНОМИИ?

В истории логики всегда существовали две традиции, по-разному оценивающие критерии логической рациональности и их отношение к формально-логическим законам тождества, противоречия и исключенного третьего. Одна из этих традиций, ведущая свое начало от Парменида и Аристотеля, отождествляла рациональное и формально-логическое, и потому могла бы называться “формальной” традицией трактовки логического (это своего рода “линия Парменида” в логике). Другая традиция берет